

Исторические науки, этнология и антропология

УДК 316.3:39(=1.470.1)(045)

О русском поморе замолвите слово

© **Лукин** Юрий Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, директор института управления и регионологии САФУ имени М. В. Ломоносова. Контактный телефон: +7 (8182) 68 34 47. E-mail: ylukin@atnet.ru.

В статье рассматриваются концептуальные подходы к определению понятий «поморы», «русские поморы» в историческом и современном понимании.

Ключевые слова: *поморы, русские поморы, Архангельская область.*

About Russian Pomor say a word

© **Lukin** Yury Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Management and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov. Contact phone: +7 (8182) 68 34 47. E-mail: ylukin@atnet.ru.

Abstract

Conceptual approaches 2 definition of concepts 'pomors', 'Russian Pomors' in historical and modern understanding are considered.

Keywords: *Pomors, Russian Pomors, the Arkhangelsk region.*

В основу статьи положены материалы, опубликованные мною ранее на сайте журнала «Арктика и Север», дополненные и переработанные¹. Актуальность той публикации отнюдь не уменьшилась, а даже возросла. В 2011 году в средствах массовой информации прошла дискуссия по широкому кругу вопросов, связанных с поморской проблематикой. Здесь особенно отличилось информационное агентство REGNUM, опубликовавшее за 10 лет (с 2002 года к маю 2012 года) 216 новостей по теме «Поморский вопрос». В Архангельске 17–19 сентября 2011 года состоялся IV межрегиональный съезд поморов. 2011 год в Архангельской области прошел под знаком года Поморской культуры, что актуализирует проблему культурно-исторической идентичности поморов. Поморы или русские поморы – как правильно идентифицировать эти общности сегодня в зависимости от их местоположения не только территориального, но и духовно-культурного? Появилось письмо Архангельской группы ВК «Суть времени» (текущий координатор – Г. А. Ефремова)², множество других публикаций.

Опубликованы итоги Всероссийской переписи 2010 года, согласно которой количество поморов в Архангельской области уменьшилось в три раза – до 2 015 человек. По Всероссий-

¹ Не стыдно говорить о русских поморах. 19.01.2011. URL: http://narfu.ru/aan/arctic_news/russian_pomori.pdf (дата обращения: 30.04.2012).

² Открытое письмо губернатору Архангельской области Игорю Анатольевичу Орлову. URL: <http://www.regnum.ru/news/1520536.html> (дата обращения: 01.05.2012). Редакция журнала «Арктика и Север» публикует полный текст письма в приложении к этому разделу.

ской переписи населения 2002 года, *самоидентифицировали* себя как поморы 6 571 человек, в том числе 6 289 (95,7 %) в Архангельской области.

На прошедшем 15 сентября 2011 года круглом столе в институте управления и регионоведения САФУ также был обозначен ряд актуальных проблем, требующих продолжения научных исследований поморского вопроса. Чрезвычайно актуальными в последние годы на Западе и в России стали проблемы кризиса мультикультурализма, толерантности, поиска этнической, историко-культурной идентичности в условиях ее политизации и интернационализации. Необходимо понять, насколько актуальны проблемы идентичности, толерантности, партнерства и арктической солидарности для России. Какая роль отводится русским (в том числе поморам), ненцам, саамам, коми, якутам, эвенкам, чукчам и другим коренным северным народам в большой геополитической борьбе за арктические природные ресурсы? Эти и другие вопросы по-прежнему остаются открытыми и требует публичного обсуждения, проведения дальнейших научных исследований, в том числе на материалах Арктики и Севера.

В статье из альманаха «Лица России» говорится, что «у поморов славная история. Из поморов вышли такие знаменитые люди, как ученый Михаил Ломоносов, скульптор Фёдор Шубин, священник Иоанн Кронштадтский, а также такие землепроходцы, как Ермак Тимофеевич, Семен Дежнёв, Ерофей Хабаров. Бессменный управитель Аляски Александр Баранов тоже был родом из поморов»³. Что это: очередной исторический миф или существуют какие-то реальные основания относить к поморам всех знаменитых людей Русского Севера, Двинской земли, Пинежья, Каргополья?

Кто же они такие – поморы? Коренной малочисленный народ, самобытный этнос как ненцы, саамы, эвенки? Особая культурно-историческая группа российского народа – русские поморы, как казаки, сибиряки? Духовно-культурная общность поморов как староверов, общин Древлеправославной поморской церкви? Современный собирательный термин для всех жителей Беломорья, исторически изначально занимающихся мореходством и морскими промыслами? Или современные поморы – это все граждане РФ, относящие себя ментально в ходе Всероссийских переписей 2002, 2010 годов к поморам? Это духовно-культурная идентификация, поморский менталитет любого гражданина глобального социума, всего мира. «*Включенность человека в этничность – проблема психологическая*», – считает Валерий Собольников, профессор кафедры ЮНЕСКО при НГУ и СО РАН. То есть, в определении этнической идентичности многое зависит от самоидентификации самой личности, ее менталитета, социально-психических качеств. Какие черты поморского характера, какие качества являются определяющими в этом случае? Что такое «поморская душа»? У меня нет готовых ответов на все эти и другие вопросы. Публикуя в данном номере журнала различные точки зрения по поморскому вопросу, мы вместе с вами, уважаемые читатели, попытаемся приблизиться к пониманию поставленных проблем.

Накал эмоций вокруг поморского вопроса в прошлом году вышел за рамки научной дискуссии, приобрел политическую окраску и обострился с этической точки зрения, принимая не совсем корректные формы, когда негативной критике к месту и не к месту подвергаются даже ушедшие в мир иной люди, которые не могут ответить на обвинения в свой адрес.

³ URL: <http://www.rusnations.ru/etnos/pomor/>.

Безусловно, каждый участник дискуссии имеет право высказать свое мнение, определить свою позицию в спорных моментах, уважая и признавая при этом право оппонента на иную точку зрения, не переходя на личности и не переступая грань этичности. Как известно, истина рождается в споре, но только в рамках приличия, уважения к другому мнению.

Почему поморский вопрос стал таким актуальным? Одной из основных причин этого является его политизация. Поморы становятся разменной монетой в геополитическом противостоянии России с западными странами, в первую очередь с США, Норвегией, в арктическом пространстве. Борьба за раздел Арктики в самых различных формах еще далеко не завершена. Проблемы идентичности, культурного самоопределения и качества жизнедеятельности коренных народов Арктики и Севера наполняются социально-экономическим, политическим содержанием и становятся не очень затратным инструментом интернационализации в освоении богатейших природных ресурсов (нефть, газ) и всего арктического многослойного пространства. Речь идет не только исключительно о поморах. Подобная роль отводится саамам, ненцам и другим коренным народам. Русские при этом умышленно или неумышленно как бы отходят на второй план, размывается их культурно-историческая общность, появляются поморы, сибиряки, казаки. Мы как бы стеснялись, считали не совсем этичным говорить о защите прав русского народа. И только в последние годы ситуация изменилась. «Мы должны уделять внимание нашей многонациональной культуре, но, вне всякого сомнения, особое внимание должно уделяться русской культуре. Это – основа, это – костяк развития всей нашей многонациональной культуры. Это нормально, и об этом должно быть не стыдно говорить» [1, 2011].

К сожалению, об этом стало стыдно почему-то говорить в год Поморской культуры в Архангельской области. В региональном общественном мнении сформировалось две основные позиции: одни считают поморов малочисленным коренным народом Севера, другие – неотъемлемой частью великого русского народа. Две этих позиции особенно ярко проявились в ходе подготовки и проведения года Поморской культуры. На заседании оргкомитета 14 января 2011 года обсуждались, например, около 40 социально-экономических, культурных мероприятий по развитию культурного и исторического наследия, по поддержке людей, ведущих традиционные промыслы на побережье Белого моря, популяризации поморской культуры за пределами нашего региона. Все они проводились правительством Архангельской области совместно с Ассоциацией поморов Архангельской области, объединившей в своем составе девять основных поморских объединений⁴. Однако показательно, что в проекте плана мероприятий года Поморской культуры не было даже упоминания о русской культуре, как будто поморы вообще и не были русскими людьми. Вся Архангельская область отождествлялась исключительно с интернациональным понятием «Поморье», а не с «Русским Севером».

Бывший тогда губернатором Архангельской области И. Ф. Михальчук в своем послании областному собранию 21 декабря 2010 года, объявляя год Поморской культуры, мотивировал свою позицию потребностью в использовании двух символических брендов: «В наступающем году (2011) мы будем отмечать 300-летний юбилей нашего земляка, великого рос-

⁴ 2011 год объявлен годом Поморской культуры. URL: <http://www.dvinaland.ru/prcenter/release/16812/> (дата обращения: 19.01.2011).

сийского ученого Михаила Васильевича Ломоносова. ...Ломоносов – это тот самый бренд, который призван на основе сохранения и преумножения наших северных традиций сделать Поморский край современным, процветающим и комфортным для жизни. Поэтому я объявляю предстоящий Ломоносовский год и годом Поморской культуры. Под этими объединяющими символами Архангельской области мы будем осуществлять демографическую, социальную, молодежную политику, модернизировать экономику, повышать эффективность государственной и муниципальной власти»⁵. По-существу, в этом документе четко обозначены политические интересы власти в использовании поморского бренда для повышения эффективности управления регионом.

Зачем был нужен национально-культурной автономии поморов Архангельской области и другим поморским объединениям официальный статус поморов как коренного малочисленного народа? Причина также достаточно банальна в наше время – это реальный бизнес-проект, направленный на получение каких-то дивидендов. Статус коренного народа поморов, саамов, ненцев гарантирует финансовые поступления от компаний, ведущих хозяйственную деятельность на территории их проживания, где разворачивается интенсивная добыча нефти и газа, других природных ресурсов. «Фактически, идет поиск народного духа для того, чтобы перераспределить добывающиеся в регионе нефтегазовые и алмазные ресурсы. Это – экономическая сторона этноренессанса поморов, не отменяющая культурную и политическую составляющую этого самого возрождения», – отмечал на IV съезде поморов В. Д. Трофимов-Трофимов, глава комитета Общественной палаты Санкт-Петербурга по межэтническому взаимодействию, эксперт Центра социально-консервативной политики Северо-Запада по выработке предложений в сфере миграционной политики [2].

Политические интересы власти и социально-экономические потребности части поморских общественных организаций, таким образом, на уровне региона в поморском вопросе сомкнулись. И властью, и поморскими общественными объединениями ставилась одна общая задача – получить статус для поморов как малочисленного коренного народа, то есть осознанно или неосознанно (по недомыслию власть предержащих) фактически расколоть единый русский народ на региональном уровне в условиях сложнейшей межнациональной ситуации в стране. Все возражения при этом отклонялись.

Однако в противовес официальной позиции региональной власти и части поморских общественных объединений в ходе дискуссий все же сформировалась и укрепилась другая позиция, что поморы являются неотъемлемой частью русского народа⁶. *Поморы*, по моему мнению, – это часть русского народа, отличающая в историческом прошлом самобытной культурой, социальной организацией проживания, традиционным хозяйствованием, промыслами и природопользованием, осознающая себя самостоятельной культурно-исторической общностью, возникшей в результате длительной эволюции и ассимиляционных процессов на северных территориях, примыкающих к водным пространствам арктических

⁵ Послание губернатора Архангельской области архангельскому областному собранию депутатов о социально-экономическом и общественно-политическом положении в Архангельской области. 21 декабря 2010 года. URL: <http://www.dvinaland.ru/power/head/appearances/16580/> (дата обращения: 19.01.2011).

⁶ Открытое письмо губернатору Архангельской области Игорю Анатольевичу Орлову. URL: <http://www.regnum.ru/news/1520536.html> (дата обращения: 01.05.2012).

морей и рек, в них впадающих. Культурно-историческая общность поморов складывалась на побережье Белого и Баренцева морей в среде севернорусского населения на протяжении нескольких столетий. Условно можно назвать их российскими или русскими поморами, подчеркивая, тем самым, локальное местоположение, ареал распространения поморского уклада жизнедеятельности и отличие от современных интернациональных поморов. Поморы «*по морю ходили*», занимались морскими и другими промыслами, обычно населяли территории, примыкающие к водному пространству. Помор – это «тот, кто живет возле моря», то есть житель прибрежной полосы. «Поморы – это потомки русских, заселивших регион Белого моря в средние века», говорится в статье «Кем были поморы?», размещенной на сайте Поморского музея в норвежском городе Вардё⁷. Фредди Мак отмечает, что название «Pomors» получается из «Pomorsky» (буквально «морской») побережья Белого моря между Онежским озером и Кемью, имея корень «больше», означающий «море», в основе которого лежит индоевропейский корень [3, 2011].

Отвечая в октябре 2011 года на вопрос о том, кем являются поморы, доктор исторических наук, профессор Ю. П. Шабаев подчеркнул, что «поморы как *этнографическая группа русских* сформировались к XVIII веку. В начале XX века поморская идентичность практически исчезла. Поморы, или поморцы, проживали на побережье Белого и Баренцева морей, которые были освоены русскими очень рано. Поморы издавна занимались морскими промыслами, торговым мореплаванием и судостроением. С конца XVII века среди них существенно возрастает доля раскольников, вынужденных в силу гонений покидать центральные районы страны. Осознание себя единой этнотерриториальной общностью произошло лишь после строительства Архангельска, куда поморы приезжали для торговли рыбой, где их и стали называть «поморами». Население Поморья делилось на целый ряд локальных культурных групп: мезенцы, пинежане, лешуконцы и так далее, которые обладали собственными самоназваниями и локальным самосознанием, культурными и языковыми особенностями. Сам этноним «поморы» и локальное поморское самосознание, по существу, были размыты уже к концу XIX века, а в XX столетии поморская идентичность полностью перестала быть актуальной» [4, 2011].

В своей статье профессор Ю. П. Шабаев отвечает и на другие актуальные вопросы: о начале этностроительства в Архангельске, культурной политике норвежцев, современной поморской идентичности в этностроительстве в Архангельске, о создаваемом Иваном Мосеевым «языке поморов», о целях нынешнего движения поморов в Архангельске, о движении «поморского возрождения», региональном сепаратизме элит и плане расчленения России. Он дает общую оценку деятельности нынешнего поморского движения в Архангельске и формулирует рекомендации геополитическому противнику [4, 2011].

Критерии этнической идентичности поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов исследуются в статье магистра Анны Пыжовой⁸, публикуемой в настоящем номере [5, 2012]. Рассматривая поморскую этничность по нескольким пунктам, которые примордиализм берет за основу, А. Пыжова анализирует 1) *антропологи-*

⁷ Кем были поморы? URL: <http://www.pomor.no/rus/articles.php?conID=3> (дата обращения: 14.01.2011).

⁸ Анна Пыжова – выпускница института управления и регионологии САФУ (Архангельск), в 2011 году защитила магистерскую диссертацию в Университете Тромсё (Норвегия).

ческие черты, отмечая, что внешний облик поморов совпадает со славянским; 2) *общую территорию проживания* как довольно спорную характеристику для определения отдельной этнической группы; 3) *традиционные промыслы и занятия*, выступающие в качестве важного критерия для определения этничности, хотя прямой взаимозависимости между занятием и этнической принадлежностью не наблюдается; 4) *самосознание* является одним из самых спорных критериев, абстрактным и обтекаемым для того, чтобы брать его в расчет, анализируя этническую идентичность; 5) *факторы кровного родства* выступают одними из решающих и определяющих, если в роду имелись поморы. Однако насколько глубоко должно идти родство, чтобы называться помором? Достаточно иметь родителей, которые называли себя поморами или только одного родителя? Если этническая принадлежность дается от рождения, то какие же критерии необходимо брать в расчет, чтобы определить этническую идентичность ребенка при межэтнических браках? 6) *язык*. Одни ученые считают, что прямой взаимозависимости между этничностью и языком нет, другие, наоборот, определяют язык как один из основных факторов сохранения и поддержания этничности в группе. Однако существуют примеры, когда члены этнической группы не используют язык этой группы как средство коммуникации и разговаривают на языке большинства, однако продолжают ассоциировать себя с определенной этнической группой. Поморский говор вышел из повседневного оборота и представляется сейчас символической ценностью, не влияющей на поморскую этничность [5, 2012].

А. Пыжова, проанализировав все вышеперечисленные факторы, пришла к выводу, что многие культурные и биологические черты не могут выступать как абсолютные факторы для определения этнической принадлежности человека. Антропологи выделяют непрерывное взаимодействие и изменения современного мира, подчеркивая, что понятие «этничность» отражает динамику контактов и взаимоотношений между группами; она ситуативна и подвижна.

Несомненно, в XXI веке происходит трансформация культурно-исторической идентичности поморов. Если ранее определяющими были критерии места расселения (Беломорье), новгородское происхождение поморов, приоритет морской культуры, морских промыслов и другие, то сегодня важнее всего ментальное самоопределение, духовно-культурная и психологическая самоидентификация гражданина, где бы он ни проживал, чем бы он ни занимался, к какому бы этносу ни принадлежал. Понятие «поморы» все больше характеризует межэтническую духовно-культурную общность. «Современные поморы» есть в России, Норвегии, Польше и в других странах. Любой человек на Земле в условиях постмодернизма как широкого спектра различных подходов и точек зрения, диалога культур и современного духа времени может отнести себя к «поморам» или к другой общности по своему менталитету, культуре, мировосприятию. «Поморы» – это современный концепт, в основе которого проявляется интернациональная общность какой-то небольшой части землян. Поэтому и возникает проблема различения концептов «помор» и «русский помор». Понятие «русские поморы» условно можно употреблять чаще всего применительно к историческому прошлому России. Однако и в современных условиях имеется смысл различать эти два понятия, чтобы понимать, о каких поморах идет речь, где территориально они расположены, где живут (локализация,

местоположение). Индикатор локализации территориальной этничности имеет важное значение в связи с дискуссией о том, кем являются сегодня российские поморы – интернациональной общностью или неотъемлемой частью русского народа.

Кроме того, нужно учитывать, что и сам концепт «Поморье» – интернациональное понятие, существующее не только в России, но и в Польше, Болгарии. Pomorze – это северная, прибалтийская часть Польши, которая состоит из Западного и Восточного (Гданьского) Поморья. В X веке Поморье, населенное, главным образом, поморянами, вошло в Польское государство. Длительное время Западное (нем. «Pommern» – Померания) и Восточное Поморье (нем. «Pommerellen») было под германским господством. Версальским мирным договором 1919 года Восточное Поморье (без Гданьска с округом) возвращено Польше. Берлинской конференцией 1945 западная граница Польши установлена по Одре и Нысе-Лужицкой⁹.

В Болгарии Поморие, как и многие города болгарского побережья Черного моря, был основан выходцами одной из древнегреческих колоний на болгарском побережье – Аполлония (сегодняшний Созополь), на месте фракийского поселения, которое существовало здесь три тысячи лет назад¹⁰.

В Норвегии сегодня используется концепт «Pomor Zone». Это понятие встречается в таких проектах, как Barents 2020 – A tool for a forward-looking High North policy (Осло, 2006), Barents 2058 – Scenarios for the Pomor Zone (Kirkenes, Barents Spektakel, 2009) и др.¹¹ Под «Pomor Zone» понимается норвежско-российская индустриальная и экономическая зона сотрудничества. Проект Barents 2058 нацеливается на совместный норвежско-российский пограничный район Баренцева моря, объединенный общей новой инфраструктурой и экономическими соглашениями, сотрудничеством в торговле и промышленности, охраной морей от незаконного лова рыбы, пиратства и беженцев, аквакультурой вместо добычи нефти.

В норвежском городе Вардё, как уже упоминалось, функционирует Поморский музей. И норвежцы, и русские рассматривали Вардё как «поморскую столицу Норвегии». Для облегчения общения друг с другом во время торга норвежскими рыбаками и поморами был создан общий язык. Этот торговый язык назывался «руссенорском» («моя-по-твоя»). Всего в руссенорске зарегистрировано менее 400 слов, половина из которых упоминалась в письменных источниках только один раз. Постоянное ядро языка состояло примерно из 150 слов. Около 50 % слов норвежского происхождения, 40 % – русского, остальные слова – заимствования из других языков, в частности английского, голландского, нижненемецкого, финского и саамского. Преобладание в лексике слов норвежского происхождения можно объяснить тем, что этим языком пользовались, главным образом, в Норвегии¹².

В связи с тем, что понятие «Поморье» употребляется в других странах, имеет смысл четко идентифицировать употребляемый у нас концепт «Поморье» как «российское Поморье», то есть различать эти понятия в зависимости от времени исследования и локального местоположения. Российское Поморье понимается в исторической динамике, во-первых, в узком

⁹ Pomorze. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/239982> (дата обращения: 15.01.2011).

¹⁰ Поморие. URL: <http://www.pomorye.ru/> (дата обращения: 15.01.2011).

¹¹ Barents 2020. Oslo, September 2006. URL: <http://www.regjeringen.no/upload/UD/Vedlegg/barents2020e.pdf> (дата обращения: 16.01.2011).

¹² Руссенорск. URL: <http://www.pomor.no/rus/articles.php?conID=3> (дата обращения: 15.01.2011).

смысле (Поморский берег) только как южный берег Белого моря от Онеги до Кеми. Во-вторых, российское Поморье – это все беломорское побережье с прилегающими прибрежными районами, включая Архангельск, Онегу, Кандалакшу, Кемь, Белозерск, Мезень и т. д. В-третьих, российское Поморье в широком, почти мифическом понимании включало весь Русский Север от Карелии до Урала. Так, В. А. Добрыднёв в своей диссертации «Поморье и колонизация Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII века)» отмечал: «...Поморья, простиравшегося от границ с Финляндией до Уральских гор и от побережья Северного Ледовитого океана до Замосковных городов (в источниках эти земли именуются Поморскими городами, а их население – поморцами)» [6, с. 11]. В-четвертых, еще одно геополитическое Поморье, скорее виртуальное, чем реальное, в сетке существующих в конце XX – начале XXI века административно-территориальных координат России: Архангельская и Мурманская области, Ненецкий автономный округ и Республика Карелия, имеющие прямой выход к Белому, Баренцеву и Карскому морям.

Называя уезды Европейского Севера России Поморьем, А. М. Кондрескул в своей диссертации отмечал их органическую целостность, проявляющуюся в сходстве природно-географического положения, общности культурного, общественного и политического развития. Такое предельно широкое толкование поморского пространства он переносил и на современность, указывая, что эти территории занимают республики Карелия и Коми, а также Архангельская, Вологодская, Мурманская, Кировская и частично Пермская область Российской Федерации [7, с. 8]. Однако ни Республика Коми, ни Вологодская, Кировская и Пермская области не имеют сегодня непосредственного (прямого) выхода к побережью северных морей и поэтому не могут включаться геополитически в состав современного российского Поморья, пусть и виртуального, чисто символического.

Не случайно, в открытом письме губернатору Архангельской области И. А. Орлову используемый бренд «Поморье» метко назван «вирусом, внедряемым в общественное сознание». Под культурно-историческим и коммерческо-туристским брендом «Поморье» лидеры поморской национально-культурной автономии сознательно скрывают геополитическую авантюру – создание автономной поморской территории для установления «контроля над севернорусскими и приарктическими пространствами Европейского Севера России»¹³.

В связи с обсуждением поморского вопроса необходимо продолжить осмысление *роли моря* в развитии поморов как этнографической группы русского народа. Можно ли относить население, проживающее, например, в Коноше, Каргополе, Няндоме, Плесеце и в других местах, удаленных не только от Белого моря, но и вообще от крупных речных артерий, к поморам? Правомерно ли вообще всю Архангельскую область включать в современное геополитическое Поморье? «Мы прилагаем все усилия, чтобы жители области говорили: я – помор, испытываю чувство национальной гордости за свою малую родину», – считает Павел Есипов, председатель правления Национально-культурной автономии поморов Архангельской области¹⁴. Известный краевед Александр Тунгусов еще в 2003 году в своей заметке «Мы – поморы? Негоже всей области в угоду конъюнктуре отказываться от своей национальности» относил к

¹³ Открытое письмо губернатору Архангельской области Игорю Анатольевичу Орлову. URL: <http://www.regnum.ru/news/1520536.html> (дата обращения: 01.05.2012).

¹⁴ Правда Севера. 2011. 14 сентября.

поморам только тех, кто живет на берегу моря, в Онежском, Приморском, Мезенском и отчасти в Холмогорском районах. Он с недоумением писал о двойственности в наименовании региона – официального и неофициального, имея в виду к месту и не к месту употребление слов «Поморье», «поморские», «поморский характер», «поморская политика», «поморское возрождение» и т. п. «Выходит, мы все – поморы? Но ведь жители Верхнетоемского, Виноградовского, Красноборского, Котласского, Вилегодского, Ленского, Вельского, Каргопольского, Устьянского и ряда других районов не называют себя поморами, хотя, возможно, кто-то из них и бывал на морских промыслах» [8, 2003].

Северные моря испокон веков кормили русских поморов. А. Н. Гумилёв считал, что море при определенных условиях играло структурирующую роль в этногенезе. Именно такой была роль Белого моря. Основные поморские поселения расположены вдоль побережья в устьях рек, впадающих в Белое море. Массовые промыслы рыбы или морского зверя производились в четырех больших заливах (губах) и множестве мелких губ. Белое море обычно покрыто льдом в течении 6–7 месяцев. Самым лучшим временем для плавания по Белому морю был период между весной и осенью. Не случайно, поэтому, в среде русских поморов выделялось особое отношение к воде, которая поила и кормила (культ воды); языческое поклонение воде, родникам; привычка не бросать в море, реку мусор (экологические традиции); гостеприимство и другие обычаи. Культурно-исторические особенности характера поморов были обусловлены локальным географическим фактором, необходимостью приспособиться и выжить в условиях Приполярья, в ранее непривычной для русского населения природной зоне, на морском побережье.

Крайне тяжелые условия жизнедеятельности: суровый климат, необходимость приспособления к новой системе хозяйства и природной среде, длительные разлуки мужской и женской части населения, вызванные сезонными промыслами, участием в научно-промысловых экспедициях, зимовки на арктических островах в условиях долгой полярной ночи, смена периодов интенсивной деятельности и длительного вынужденного бездействия в ожидании путины, – все это приводило к жесткому отбору среди поморского населения. Выживали, приспособлялись и оставляли потомство далеко не все люди, пришедшие на побережье Белого моря. В результате длительной эволюции и сложился тип отважного промышленника, мореплавателя, первооткрывателя, гордого и свободного духом русского помора [9, с. 167]. Население северных поморских берегов России исторически имело одну общую социально-экономическую черту – понятие своей «особости», проявлявшееся в чувстве превосходства по отношению к своим соседям – земледельческому населению. Своих соседей-земледельцев низовские поморы, проживающие в устье Северной Двины, нередко называли «деревенскими», «крестьянами», «верховскими», не заключали с ними даже брачных связей.

Всестороннему анализу русской поморской культуры посвящена коллективная монография *«Культура русских поморов: опыт системного исследования»* под общей редакцией доктора культурологии П. Ю. Черносвитова [10, 2005]. Взаимодействие в прошлом культуры пришлого русского и аборигенного населения привело к сложению симбиотической поморской культуры. Процесс взаимодействия различных культур на одной территории проживания их носителей может рассматриваться как процесс взаимодействия различных адаптив-

ных систем, результатом которого будет становление некой новой симбиотической системы, способной на поведение, адекватное по главным жизнеобеспечивающим параметрам для сложившегося в конечном счете социума [10, с. 13]. Результаты исследования конкретного эмпирического материала, связанного с построением и функционированием системы жизнеобеспечения, позволяют найти ответы на вопросы о том, с какой скоростью и до какой степени трансформировалась в условиях проживания на Севере, в «непашенной зоне», традиционная русская система хозяйствования, и как быстро она включила в себя важнейшие жизнеобеспечивающие элементы аборигенных северных культур. Морской рыболовный и зверобойный промысел сделался основой поморского способа энергообеспечения; система расселения оказалась привязана территориально к системе промыслов через организацию промысловых становищ.

В. В. Ануфриев в своей монографии «Русские поморы: культурно-историческая идентичность» подчеркивал, что колонизация обширной евразийской территории явилась историческим подвигом русского народа [11, 2008]. Русские переселенцы, как правило, осваивали новые земли, не нарушая процессов этнического развития коренных народов, не навязывая им своего языка, религии и культуры насильственно.

Суровая северная природа и большие пространства сформировали особые черты поморского характера. Многие в их традициях переключались с обычаями соседних финно-угорских народов. Заговоры, промысловая магия, ограничения на охоту и рыболовство, колыбельные песни, рассказы о нечистой силе в какой-то мере дошли и до наших дней. Решающее значение в сохранении консерватизма поморов имела стойкость традиций у северного крестьянства, особенно у старообрядческой части населения, последовательно борющейся за сохранение старинных форм [12, с. 37].

В отечественной истории с конца XVII века вплоть до настоящего времени существует теснейшая взаимосвязь духовности поморов со старообрядчеством: поморское согласие, поморские ответы, бесопоповские толки, расколы, общины, Древлеправославная поморская церковь (ДЦП)¹⁵. На Выгозере, недалеко от селений Поморского берега, функционировал главнейший центр старообрядчества – «Поморское согласие» (Выговская обитель). В настоящее время в разных странах действуют семь духовных центров поморцев: 1) Российский Совет ДПЦ (с 1989 года; в 1909–1930 годах действовал Совет Всероссийский соборов и съездов поморцев, приемлющих брак) объединяет 75 общин, по другим данным – около 200. Опекает также поморцев стран, не имеющих духовных центров: Украины (в 1996 году – 18 общин), Молдовы, Казахстана (в 1996 году – 10 общин) и Киргизии. 2) Центральный Совет ДПЦ Лат-

¹⁵ Древлеправославная поморская церковь – объединение древлеправославных христиан-поморцев, не имеющих церковной иерархии, но составляющих единую церковь на основе соборов и молитвенного общения (ранее, прежде всего в советский период, нередко можно встретить наименование СПЦ; так называемые поморцы, брачные поморцы, брачные бесопоповцы). Согласно поморцам, в богослужении староверы всегда называют себя православными христианами. Православными они называют себя и при общении между одноверцами, а чтобы подчеркнуть верность древней православной традиции и «не нарушить уже устоявшейся терминологии», все шире, начиная с 1980-х, употребляется название «древлеправославные христиане». Поморской церкви называется по месту прежнего расположения ее наиболее авторитетного духовного центра – Выговского общежития, находившегося в Поморье (историческое название северных земель России от Капелии до северного Урала). URL: http://starover-pomorec.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-05-06-11-34-35&catid=2:service&Itemid=4 (дата обращения: 07.05.2012).

вии (с 1989 года; в 1920–1934 годах действовал Центральный комитет по делам старообрядцев Латвии) объединяет 51 из 67 общин, зарегистрированных в Министерстве юстиции Латвии. 3) Высший Совет ДПЦ Литвы (в 1922–1940 и в 1942–1943 годах назывался Центральным Старообрядческим Советом Литвы; с 1943 по 2002 годы – Высший Старообрядческий Совет) объединяет 59 общин. 4) Высший Совет Восточной Старообрядческой Церкви, не имеющей духовной иерархии, в Польше (до 1993 года – Высший Старообрядческий Совет; действовал в 1925–1939 годах; затем – с 1983 года) объединяет 4 общины. 5) Союз старообрядческих общин Эстонии (с 1995 года; в 1929–1941 годах действовал ЦСС) объединяет 11 общин, среди них две федосеевские. 6) Центральный Совет ДПЦ Белоруссии (с октября 1998 года) объединяет 37 общин. 7) Конференция поморских общин в США объединяет четыре поморские общины¹⁶. Есть сведения о группах христиан-поморцев в таких странах, как Румыния, Финляндия, Швеция, Германия, Франция, Бразилия, Аргентина¹⁷. Координатор Движения по защите прав народов Павел Зарифуллин, выступая на съезде поморов 18 сентября 2011 года [13, 2011], высказал мнение, что для миллионов староверов во всем мире главной настольной книгой по сию пору являются «Поморские ответы» братьев Денисовых¹⁸.

Таким образом, уже три столетия духовная культура поморов – старообрядчество, сформировавшись в одном из центров на Русском Севере, является интернациональной, межэтнической по распространению и восприятию, по своему духу. Однако остается открытым вопрос о том, все ли старообрядцы идентифицируют себя поморами? Как соотносятся между собой духовно-культурные общности староверов, входящих в ДЦП по всему миру, и современных, новых межэтнических (интернациональных) поморов, среди которых имеются протестанты, католики, православные, атеисты? Что реально объединяет сегодня поморов не как социально-этническую общность, а как людей культурно близких по духу, по восприятию мира? Ответы на эти вопросы помогут понять всем нам различия между «современными поморами» (жителями города и села, гражданами разных стран, воцерковленными и атеистами, имеющими различные статусы и уровень жизни) и русскими поморами, проживающими, как и их предки, в основном на побережье северных морей. В Архангельске современные городские поморы отмечают, например, в сентябре поморский новый год – Новолетие. Не совсем понятно: это просто постмодернизм, еще один замечательный праздник для всех северян, новый поморский бренд? Или это кризис личной религиозной идентичности, который приводит, по мнению Г. Н. Горбачука, к идеологии безвременья, дезинтеграции, отсутствию жизненных планов и другим негативным последствиям, а в сфере культуры – к развитию процессов стандартизации и унификации, обуславливающих обезличивание человека [14, с. 3]? Личная религиозная идентичность в данном контексте представляет собой особый социокультурный феномен, определяющий важнейшие параметры личности помора, влияющий на сближение с этнической и общекультурной идентичностью.

¹⁶ Древлеправославная поморская церковь. URL: http://starover-pomorec.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2011-05-06-11-34-35&catid=2:service&Itemid=4 (дата обращения: 07.05.2012).

¹⁷ Древлеправославная поморская церковь. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94...8C> (дата обращения: 30.04.2012).

¹⁸ Братья Денисовы, Андрей (1664–1730) и Семён (1682–1741) – основатели поморской Выгорецкой пустыни. Поморские ответы были составлены примерно в 1723 году.

Многие исследователи отмечают, что русские поморы имели самобытную социальную организацию проживания и ведения хозяйства. Особый хозяйственный уклад жизни поморов способствовал созданию поморского календаря, наложил отпечаток на некоторые стороны их быта, материальной культуры. В поморской среде доминировала «большая семья», мужчины которой составляли ядро рыболовно-зверобойной артели. Повсеместно распространенная в России артель приняла в Поморье особые формы, послужила основой для создания крупных артельных и межартельных объединений. Помор в одиночку просто физически не мог выйти на промысел, это заставляло его работать в складчину, создавая артель. Первые артели чаще назывались «*ватагой*» и представляли собой союз лиц, основанный на договоре. Члены ватаги были связаны круговой порукой и участвовали в ведении промысла трудом или трудом и капиталом. В области рыболовства были распространены три типа артелей: 1) складнические из нескольких неродственных семей; 2) уженщиков (наем рабочих, имеющих свои технические орудия лова, – ужну); 3) покрутчиков (весь капитал принадлежал одному лицу-хозяину, который набирал рабочую силу, кредитовал их одеждой, обувью, деньгами, две трети улова шло судовладельцу). Семейные, складнические артели стали исчезать со второй половины XIX века, на смену им пришел вольнонаемный труд. Главным объектом морского промысла были треска и сельдь, большое значение для берегового лова имели семга и навага. Семужий, тресковый, наважий, сельдяной промыслы имели важное торговое значение.

Исследуя развитие морского и берегового рыболовного промысла в Архангельской губернии в XIX – начале XX века, Е. Е. Родионова в своей диссертации отмечала, что морские и береговые промыслы оказывали большое влияние на жизнь всего населения Архангельской губернии, их труд, быт, формы организации производства [15]. Продукты рыболовства служили источником жизненных ресурсов: давали пищу человеку и животным, могли использоваться в качестве топлива, удобрения, шли на приготовление кожаных изделий. Рыболовство на Севере являлось одним из основных занятий, от которого население получало доходы. Промыслы представляли для поморских жителей не только единственный источник существования, но и давали значительную часть продуктов для экспорта, для вывоза в другие губернии России; определяли уклад, образ жизни населения.

Русские поморы в XIX – начале XX века имели возможность получать кредиты и ссуды, российское правительство стремилось предоставить им денежную помощь, стимулировало появление акционерных объединений. Чтобы активизировать население в разработке рыболовных богатств и облегчить их тяжелое положение, власти даровали льготу по беспроцентному строительству промысловых судов крестьянам прибрежных уездов Архангельской губернии. По архивным данным, которые приводит профессор А. Б. Красавцев в своей монографии, только за период 1867–1899 годов поморами было построено более двух тысяч поморских парусных судов – шняки (беспалубная одномачтовая шестивесельная лодка из сосновых досок), шхуны, кочмары (трехмачтовая шняка), яхты, лодьи, раньшины (большая двухмачтовая шняка), трехмачтовые палубные суда и другие [16, с. 6]. В XIX – начале XX века на Белом море появляются паровые суда, палубные моторные боты, шхуны.

В поисках новых, более богатых промыслов, двигаясь к кромке морских льдов, русские поморы издавна осваивали арктические пространства, способствовали открытию Новой

Земли, островов Медвежий и Надежда, Груманта (Шпицбергена). Они участвовали во многих научно-промысловых экспедициях в Арктике. Осваивая Арктику, поморы совершали длительные экспедиции и походы, умело ориентировались по солнцу и звездам, давали созвездиям свои наименования: Большую Медведицу называли «Лосем», Орион – «Коромыслом» или «Граблями», Плеяды – «Утиным гнездом». С XV века русские мореплаватели пользовались компасом. В дальних походах поморы наряду с компасом пользовались картами, называя их «чертежами» (их делали без градусной сетки) и рукописными логиями. Все основные пути русских поморов как на востоке, так и вдоль архипелага Шпицберген были оборудованы большими крестами, служившими своеобразными маяками. Эти кресты своей поперечиной были всегда ориентированы по линии север – юг.

Что касается часто употребляемого концепта «поморской культуры», то это, несомненно, культура русских поморов, часть российской культуры. Это Русский Север, здесь «Русью пахнет». Об этом действительно не стыдно говорить. Профессор Г. С. Щуров в «Очерках истории культуры Русского Севера (988–1917)» включал в ареал ее распространения огромный северный край от Вологды до Белого моря, от Карелии до северного Урала в различных территориальных и хронологических рамках [17, с. 23]. Применение концептов «Русский Север», «Беломорье», «российское Поморье» в настоящее время чаще всего является культурологической традицией, имеет знаковый, семиотический, отчасти сакральный смысл.

В настоящее время необходимо четко понимать, что исторически сложившийся способ жизнеобеспечения русских поморов, основанный на многовековом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания и культуре, постепенно исчезает. России необходима взвешенная стратегическая политика в сфере прибрежного рыболовства, чтобы реально сохранить жизнь в постепенно угасающих прибрежных поморских деревнях, жители которых традиционно занимались морским, речным промыслом и идентифицируют себя как современные российские поморы.

В связи с этим давно уже пора принять областной закон «О территориях традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности в Архангельской области». Необходимо более четко определить статус всех коренных народов региона. Что дает реально статус коренного народа? Если речь идет о льготах и привилегиях, связанных с рыбными квотами, охотой, рыбной ловлей, владением земель и морскими угодьями, то почему бы не распространить эти правила для всего коренного населения, веками проживающего на Севере, в том и числе русских, коми, ненцев? Статус коренного народа в этом случае может быть применен ко всему старожильческому населению, проживающему на Севере России, исключая пришлое население в первом поколении, мигрантов, вахтовиков. Русские сегодня являются фактически и коренным народом Севера, и основной титульной нацией в России.

Предлагаемый порядок введения легитимных равных гражданских прав для всех северных этносов в России без всяких исключений по их численности, без акцента на этническое происхождение снимет бюрократические ограничения со стороны государственной машины для населения и резко сократит возможности для коррупции при проведении конкурсов по выделению всяких квот и выдаче различных разрешений. При таком подходе отнюдь

не умаляется роль малочисленных народов Севера, а наоборот, возрастают их реальные возможности в реализации установленных законом прав.

Системных решений как на уровне Федерации, так и регионов требуют также проблемы: *во-первых*, сохранения культуры, языка, знаний и ценностей, эффективной позитивной адаптации коренных народов (больших и малочисленных) к реалиям современной жизни с учетом позитивного международного опыта; *во-вторых*, обеспечения равных прав во всех сферах жизнедеятельности, устойчивого развития для всего коренного постоянного населения Арктики и Севера России, включая старожильское русское население.

В заключение отмечу, что в данной статье мною употребляются концепты: «поморы», «русские поморы», «современные поморы», «исторические поморы». Каждое из них несет определенную смысловую нагрузку. Новая интернациональная, духовно-культурная идентичность «современные поморы» отражает не только стремление какой-то очень небольшой части землян – людей всех национальностей к ментальному самоопределению, но и политические, экономические интересы узкого слоя региональной элиты, их зарубежных друзей. В отличие от сложившейся эволюционным путем в России прежней культурно-исторической общности, условно обозначаемой мною «русские поморы», современное понятие поморов отвечает постмодернистскому духу времени в новых исторических условиях, несет свою смысловую, культурно-философскую нагрузку. Возвращаясь к геополитике, необходимо заметить, что противопоставление Русского Севера и Поморья объективно выгодно геополитически нашим конкурентам в Арктике и, в конечном счете, направлено на разрушение самосознания и идентичности всего русского народа, на интернационализацию арктического пространства в вопросах освоения углеводородных ресурсов и использования транспортных путей. Запах арктической нефти, к сожалению, опосредованно присутствует и в поморском вопросе.

Обсуждаемые вопросы о культурно-исторической идентичности поморов, безусловно, требуют дальнейшего научного осмысления без политической ангажированности, в спокойной творческой атмосфере. Сделаны всего лишь *первые шаги* в этом направлении, в обсуждении самых острых проблем гражданско-правовой, религиозной, историко-культурной, этнической идентичности поморов.

Радует, что поморская тематика становится привлекательной в научном плане для студентов, магистров, молодых ученых, что появляются современные бизнес-проекты, направленные на сохранение исторической памяти о прошлом поморов и улучшении жизни современного поморского населения, в том числе на основе обновления законодательных актов о правах коренных народов (больших и малочисленных), старожильского населения на Русском Севере.

Литература

1. Медведев Д. А. Выступление на встрече с руководством Федерального Собрания 17.01.2011. URL: [http:// www. kremlin.ru/news/10087](http://www.kremlin.ru/news/10087) (дата обращения: 19.01.2011).
2. Трофимов-Трофимов В. Д. Поморы решили основательно побороться за свои права. URL: [http://www.pomorcpp.org/ monitoring/?id=3608](http://www.pomorcpp.org/monitoring/?id=3608) (дата обращения: 01.05.2012).

3. Мак Ф. Pomors. URL: <http://www.brainz.ru/text/Pomors.html> (дата обращения: 14.01.2011).
4. Поморов» начали возрождать для «торговли этнонимом»: профессор Ю. П. Шабает о поморах. URL: <http://www.regnum.ru/news/1454828.html>; <http://news.rambler.ru/11404345/> (дата обращения: 01.05.2012).
5. Пыжова А. Н. Этническая идентичность поморов Архангельской области через призму основных антропологических подходов // Арктика и Север. 2012. № 7. URL: <http://narfu.ru/aan/> (дата обращения: 05.05.2012).
6. Добрыднёв В. А. Поморье и колонизация Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII века) // Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Архангельск, 2003.
7. Кондрескул А. М. Поморье в политической истории России в конце XVII – первой четверти XVIII века // Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Архангельск, 2001.
8. Тунгусов А. Мы – поморы? // Правда Севера. 2003. 28 ноября.
9. Бернштам Т. А. Поморы: формирование группы и системы хозяйства. Л-д: Наука, 1978. С. 167.
10. Культура русских поморов: опыт системного исследования / под общей ред. доктора культурологии П. Ю. Черносвитова. М.: Научный мир, 2005. 400 с.
11. Ануфриев В. В. Русские поморы: культурно-историческая идентичность. Архангельск: Солти, 2008. 159 с.
12. Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., Искусство, 1974.
13. Зарифуллин П. Цвести и давати плоды. URL: <http://www.peoples-rights.info/2011/10/cvesti-i-davat-plody/> (дата обращения: 30.04.2012).
14. Горбачук Г. Н. Социально-философские аспекты формирования личной религиозной идентичности (на материалах творчества С. И. Фуделя) // Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Архангельск, 2011.
15. Родионова Е. Е. Развитие морского и берегового рыболовного промысла в Архангельской губернии в XIX – начале XX вв. // Дисс. ... канд. истор. наук. Архангельск, 2000.
16. Красавцев Л. Б. Морской транспорт Европейского Севера России (1918–1985). Проблемы развития и модернизации: монография. Архангельск, 2003.
17. Щуров Г. С. Очерки истории культуры Русского Севера (988–1917). Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера», 2004.

Рецензент – Соловьёва Анна Николаевна,
доктор философских наук, профессор.